

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (С.С. Сулакишин):

Можно ли определить, в каком значении употребляется термин «проект» применительно к модерну? И тогда ответить на вопрос: «А был ли вообще и есть ли такой проект?». Ведь любой проект предполагает наличие субъекта, активного плана действия, сами действия и миростроительство.

И второй вопрос: можно ли перечислить вызовы, проблемы и задачи, решаемые в Вашем исследовании, результат которого Вы доложили? Какие задачи решены?

Ответ:

Спасибо за важный методологический вопрос. Был ли проект «Модерн» целенаправленным развитием исторического процесса или все случайно совпало именно так? Разумеется, не случайно! У Модерна был свой план, свое перспективное видение, своя логика развития и, главное, — свой субъект! Если считать, что «большой Модерн» развивался лет 500, то резонно предположить, что его главный субъект — Провидение. Только вот крайне сложный вопрос, на который не берусь отвечать здесь и сейчас: развивался ли он с Божиего Промысла или с Божиего попустительства? Но конкретно-историческими субъектами проекта «Модерн» были различные социальные слои, институты и явления: торговцы, ростовщики, фабриканты, капиталисты, деятели Реформации и бойцы реформационных войн, философы — от средневековых «номиналистов» до Гоббса, Локка и деятелей эпохи Просвещения, а также небольшие и крайне сплоченные сообщества, члены которых одержимы какой-либо максималистской идеологией или мировоззрением: гностические секты позднего Средневековья, эзотерические ордена, некоторые направления масонства, а также национальные государства, университеты, городские общины, протестантские церкви, первопечатники и их типографии, а в Беларуси

и Украине XVI — XVII вв. — еще и православные братства. Значительная часть текстов западноевропейской культуры XV — XX вв. — это тоже проект «Модерн».

Есть проблема по поводу того, что такое был проект «Модерн» в России и иных православных странах. Западно-европейский Модерн хорошо отрефлексирован, изучен, классифицирован, разложен по полочкам и эпохам — вот вам Ренессанс, вот Реформация и Контрреформация, вот барокко и классицизм, вот культура XIX и XX вв. Возникает вопрос: как эту схему спроецировать на путь развития русской, украинской, сербской, греческой культур? В этом есть концептуальная сложность. Например, при советской власти была попытка найти параллели западного Ренессанса в нашей культуре так называемого второго южнославянского влияния — академик Лихачев назвал это «восточноевропейским Возрождением».

Реплика (А.Л. Андреев):

Предвозрождением...

А.Н. Окара:

Правильно, Предвозрождением. Это Андрей Рублев, Феофан Грек, Епифаний Премудрый, Сергей Радонежский, Нил Сорский, Иоанн Вишенский, исихазм, «плетение словес», «обратная перспектива»... То есть, для адекватного описания нашей цивилизационной общности и логики ее развития, по всей вероятности, необходим специфический концептуальный аппарат.

С.С. Сулакшин:

И все же, простите за настойчивость, что такое проект?

А.Н. Окара:

Применительно к социально-политическим трансформациям проект — это системное видение предполагаемого объ-

екта — идеальной или оптимальной социальности, а также ее содержательное наполнение. То есть, это сумма концептуальных представлений, установок, логик, эсхатологий и дискурсов развития большой социальной системы.

Теперь о вызовах, проблемах и задачах, которые я пытался затронуть в своем докладе. Конечно же, мне, как и большинству мыслящих о будущем, хотелось бы найти некий *алхимический* «социально-философский камень» — универсальный ответ на все вопросы, формулу бессмертия, модель идеального общества, конструкцию вечного двигателя. Но, понятно, что искать вечные двигатели бессмысленно, зато можно попытаться увеличить КПД двигателей невечных. В западной социальной философии есть такой термин — «Good Society», т. е. не утопически-идеальное, а именно реально возможное хорошее общество. Вот я и хотел понять, какие у нас есть проектные ресурсы в условиях краха проекта «Модерн», а также в условиях всеобщего финансово-организационно-экономического кризиса, в условиях общемировой турбулентности. Можем ли мы, во-первых, создать собственную модель развития после Модерна, и, во-вторых, предложить что-то человечеству? Что-то такое, чего у него нет без нас. И если да, то что именно? Новое понимание человека? Новые экономические модели? Новый тип социальной организации? Новое понимание эсхатологии? Или что-то совсем глобальное — альтернативный проект постмодернизации?

Подчеркиваю, речь идет не о частностях, а об универсальных проектах. К примеру, опыт развития Византийской империи содержал в себе проект альтернативного Модерна. Но из-за ее гибели проект не был реализован — по крайней мере, в том масштабе, в котором мог бы реализоваться, учитывая масштаб этого государства и уровень влияния на остальную Европу. В том виде, в котором этот проект реализовывали иные православные государства — предшественники нынешних России, Украины, Беларуси, Румынии, Сербии, Болгарии и других — это лишь жалкий отблеск. Но

вот СССР попытался реализовать масштабный проект альтернативного Модерна уже в XX в. Проект, в итоге, не просто не стал лидером, а развалился, однако его влияние на историю человечества невозможно переоценить.

Еще раз подчеркиваю: именно проекты подобных масштабов формируются не на уровне национальных государств, а на цивилизационном уровне, поскольку разные страны несут в себе разные примеры воплощения общих цивилизационных установок. Скажем, вклад Франции, Германии, Англии, Италии в историю Модерна важен, но он очень разный. Или, скажем, такие близкие и похожие Россия и Украина в социополитическом отношении являются чуть ли не антиподами. Но сказать, что вся полнота истины на восточнохристианскую цивилизационную парадигму есть лишь у России, а у Украины — лишь иноцивилизационные влияния — было бы неправильно. Равно как и противоположное утверждение.

То есть, сейчас актуально выявить возможности и конкурентные преимущества нашей цивилизации на «мировом рынке идей и проектов». Может ли наша цивилизация претендовать на статус универсальной? — вот в чем вопрос. И если может, то с каким багажом универсальных ценностей и инноваций?

Из того, о чем я здесь говорил, наиболее важными мне кажутся такие моменты:

1. Цивилизационная солидарность между государствами.
2. Россия — не «страна-цивилизация», а один из центров восточнохристианской цивилизации. «Российская», «славянская», «евразийская» цивилизации — это метафоры.
3. Опыт восточнохристианской цивилизации шире российского, поэтому в цивилизационных исследованиях необходимо активнее задействовать и опыт остальных культурно близких стран.
4. Восточнохристианская цивилизация имеет все основания и предпосылки для универсализма — это наследие Византии и Рима.

5. Идея развития и модернизации — феномен не только западной цивилизации, как многие считают, но и восточнохристианской.
6. Предложено попытаться объединить мир-системный анализ и цивилизационный, т. е. чтобы любая страна могла определять свои координаты развития одновременно по карте мир-системы и по карте «столкновения цивилизаций».
7. Развитие цивилизационной идентичности нередко воспринимается в качестве политехнологии, что, в свою очередь, ослабляет солидарность.
8. Современную цивилизационную идентичность можно описать по аналогии с национальной идентичностью — как большое «воображаемое сообщество».
9. Для цивилизационного «строительства» нужны «строители» («креативный класс») и «строительный материал» (ресурс «мягкой власти»).
10. Ну и, кажется, впервые был применен метод SWOT-анализа для выявления уровня конкурентоспособности нашей цивилизации. Получилось, конечно, не густо, но и не пусто.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

Если я Вас правильно понял, Вы не принимаете представления о существовании российской, русской цивилизации и говорите о цивилизации восточнохристианской. Хотелось бы уточнить, что Вы понимаете под цивилизацией? Каковы критерии собственно определения цивилизации? Чем она отличается от других общностей?

И второй вопрос: с одной стороны, на чаше весов Болгария, Греция, Румыния, Сербия, Грузия; на другой чаше весов — Северный Кавказ, Поволжье, Якутия, часть регионов Севера, часть нерусских регионов Дальнего Востока. Не считаете ли Вы, что приобретения от перехода к парадигме восточнохристианской концепции сомнительны, а

угрозы чересчур сильны, чтобы принять ее в качестве доминирующей?

Ответ:

Последнее, о чем Вы говорите, у меня записано в списке угроз в SWOT-таблице. Совершенно верно: подчеркивая природу нашей цивилизационной идентичности, мы не должны отталкивать те российские анклавы, которые являются перифериями иных цивилизаций — прежде всего, Кавказ, Поволжье, буддистские Калмыкия, Бурятия и Тува!

Но все эти регионы вошли в состав еще православной Российской империи и, в принципе, была найдена приемлемая парадигма сосуществования для всех, включая также католиков, лютеран и иудеев. Разумеется, были и серьезные проблемы — война на Кавказе, насильственное крещение в Сибири и Поволжье; не говорю уже о проблемах с регионами, которые оказались за пределами нынешней России. Но со временем появился общий знаменатель — цивилизационный, обретенный именно в контексте восточнохристианских ценностей! Отцы-основатели евразийства, а также неоевразиец Александр Дугин считают, что этот знаменатель — евразийский. Однако, разбирая славяно-туранские связи, можно говорить о взаимных влияниях — о влиянии материальной и управленческой культуры. Но я не стал бы говорить о существовании евразийской цивилизации, основанной на синтезе православия, ислама, буддизма, шаманизма и сибирских языческих культов. Еще раз подчеркиваю: восточнохристианская цивилизационная идентичность вовсе не предполагает, что все жители России и других православных стран непременно должны стать православными — вовсе нет! Просто она создает определенный дискурс Модерна и модернизации, — а теперь уже и ситуации «после Модерна», — в котором могут найти себе место и мусульмане, и буддисты, и язычники, и атеисты. И все могут чувствовать себя свободно и комфортно. Но, конечно, если государство ослабевает,

хиреет, первые разломы идут именно по цивилизационным и конфессиональным швам, что мы и могли воочию наблюдать в 1990-х гг. Но тут уже ничего не поделаешь: необходимо выстраивать конкурентоспособный государственный и цивилизационный проекты — тогда не будет и речи об утрате Северного Кавказа, Поволжья или Сибири.

Разумеется, ведя диалог с россиянами нехристианских исповеданий, необходимо быть корректным с цивилизационной и конфессиональной тематикой. Возможно, в некоторых случаях уместны эвфемизмы из евразийской риторики, поскольку в евразийстве не делается акцент на христианских и постхристианских ценностях.

Внутренняя политика в России, так или иначе, измеряется по линии «Москва — Казань». Базовым регионом для определения формулы взаимной лояльности Москвы как федерального Центра и регионов с нехристианской идентичностью следует рассматривать прежде всего Татарстан. Ну и, как показывает опыт, здесь актуален опыт не хантингтонского «диалога цивилизаций», а, пользуясь концептом В.М. Межуева, восточнохристианской цивилизации как «цивилизации диалога».

Теперь о критериях цивилизации. Я разделяю понимание о множественности цивилизаций (культурно-исторических типов или «метакультур»), идущее от Данилевского, Шпенглера, Питирима Сорокина, Тойнби и даже Хантингтона.

Цивилизация в современном мире — это социальная общность, не совпадающая ни с нацией, ни с государством, ни с религией, ни с языком, ни с географией. Представляется, что, по состоянию на настоящий момент, пространство восточнохристианской цивилизации состоит из территорий 13-ти современных независимых государств, а ее «осевыми» государствами или «ядрами» следует считать Грецию, Россию и Украину.

Эйзенштадт определяет цивилизацию как историческую серию попыток сконструировать общественную жизнь в со-

ответствии с онтологическим видением, которое соединяет концептуальные представления о космосе, поту — и посюсторонней реальности, с регуляцией основных сфер общественной жизни и взаимодействия между политикой, авторитетом, экономикой, семейной жизнью.

Мне близок именно подход, основанный на трансцендентных и экзистенциальных реалиях, которые у каждой цивилизации свои. Мое определение таково:

Цивилизация — это процесс по поддержанию универсальной картины мира, наднациональной идентичности и жизненного порядка у локализованной социальной общности на основе общих трансцендентных ценностей и эмпирических представлений, а также культурных и социальных практик.

Главные ресурсы восточнохристианской цивилизации, которые могут быть востребованы, если коротко, это:

1. «Максималистская» антропология.
2. Эсхатология, эсхатологическая ориентация культуры, эсхатологическое восприятие социальной реальности.
3. Представления о новом солидаризме, основанные на учении о соборности и метафизике всеединства. Концептуальная новизна заключается в том, что солидаризация возможна на основе свободной лояльности, тогда как в эпоху Большого Модерна солидарный эффект предполагался на основе принуждения (в социализме, фашизме, национал-социализме).

Ну, и пару слов о Хантингтоне. Предложенная им парадигма столкновения и войны цивилизаций является в некотором роде когнитивным оружием, с помощью которого нам всем навязывается определенная картина мира: в ней США получают новые политические возможности, новые основания для применения насилия в любой точке мира. И в какой-то момент оказывается, что под разговор о «диалоге цивилизаций» весь мир вдруг оказывается зоной приоритетных интересов «единственной сверхдержавы». Это такое же ког-

нитивное оружие, как, скажем, учения Адама Смита и Гоббса в начале 1990-х гг.

Я думаю, что границы между цивилизациями нельзя определить так же просто, как и границы между государствами — они проходят не только по карте и местности, но одновременно также и по душам, и в мозгах людей. Цивилизационные общности, конечно же, складываются не так просто и не так быстро, как общности национальные. Нации создаются десятилетиями и столетиями, цивилизации — столетиями и тысячелетиями. И у создания наций, и у создания цивилизаций есть свои субъекты, однако если творцов нации выявить еще как-то можно, то субъектов цивилизационного строительства выявить значительно сложнее. В нашем случае это православная церковь, равноапостольные святые, крестившие свои народы (Владимир, Ольга), создатели алфавитов и богослужебных языков (Кирилл и Мефодий), император Константин, некоторые цари, тот же патриарх Никон.

Сейчас, когда мы наблюдаем ситуацию размывания мира Модерна и выстроенных им смысловых и геополитических иерархий, у нас есть уникальная возможность — не то чтобы сконструировать цивилизационную общность, к которой мы принадлежим (ее сконструировали до нас), но, по крайней мере, актуализировать цивилизационную идентичность, сделать ее реальным фактором развития.

Вопрос (В.П. Булдаков):

У меня очень простой вопрос: скажите, как и где в современных условиях можно реализовать все эти идеи, которые прозвучали? Можно ли их конвертировать в политику?

Ответ:

Думаю, что мои, и не только мои, рассуждения о восточнохристианской цивилизационной идентичности, об антропологии, эсхатологии и новых миростроительных проектах не самоценны — это не «игра в бисер», а вполне инструмен-

тальные стратегии развития, которые могут быть востребованы здесь и сейчас — в России, Украине, Беларуси и других православных странах. Мне кажется, пятитомная «Государственная экономическая политика», подготовленная в вашем Центре, — очень интересный и продуктивный пример использования цивилизационной теории в моделировании экономической модернизации. Лично я сейчас пытаюсь применить эту теорию к социально-философской и философско-правовой тематике. Не говоря уже о сфере геополитики, геоэкономики и геокультуры: например, сама идея концепция «цивилизационной солидарности» может быть очень перспективной в нынешней международной политике.

Но тут, разумеется, не может быть никаких догм и аксиом — есть только предпосылки. Скажем, почти вся история Западной Европы — это история войн друг с другом.

Что имеем сейчас в пределах нашей цивилизационной общности? Российско-грузинская война, украинско-румынский территориальный конфликт из-за шельфа вокруг острова Змеиный, пятисторонний конфликт в Приднестровье, где все пять участников принадлежат к восточнохристианскому ареалу (Румыния, Молдавия, Приднестровье, Украина, Россия). Увы, государства-корпорации в своей политике руководствуются прежде всего интересами «политических корпораций», а не цивилизационными ценностями.

Самое распространенное обвинение в адрес нынешней России со стороны цивилизационно близких стран — это обвинение в том, что тема восточнохристианской цивилизационной солидарности и «собирательницы православных земель» используется российской правящей элитой для идеологической легитимизации России как митрополии, для расширения сферы национальных интересов, а также геополитической, геоэкономической и культурной экспансии. Лично мне приходилось такое слышать не только от грузин и украинцев, но и от белорусов, болгар, армян, приднестровских молдаван.

Чувство «цивилизационной солидарности», как я помню, у многих моих знакомых впервые появилось в 1999 г., когда НАТО принялся бомбить Югославию. Тогда группа моих коллег (политологов, историков, культурологов) при моем участии подготовила интересный проект — сборник текстов на тему того, как восточнохристианская цивилизационная идентичность проявляется в тех или иных православных странах. Инициатором проекта был известный историк и журналист, автор книги о метафизике Москвы Рустам Рахматуллин. Так вот, это вышло в приложении к «третьяковской» «Независимой газете» («Особая папка» от 25 августа 1999 г.) под характерным общим заголовком: *«Восточная Европа: кризис идентичности. Он вызван войной в Югославии и сделал актуальным византийское наследство».*

Вопрос (Л.И. Никовская):

Можно ли с уровня логики цивилизационного анализа, минуя какие-то цепи, понятия — как то: политика, качество управления, экономические образования, структуры и законы, — переходить к анализу способности цивилизации ответить на вызовы современного мирового порядка? Конкретизирую: да, Вы правильно пишете в своих тезисах, что, допустим, мы в России — одни из крупнейших выразителей этой восточнохристианской цивилизации — можем похвастаться достижениями в области классической литературы, большим балетом Большого театра, можем похвастаться достижениями в научной мысли, где мы находимся в лидерах. Но, посмотрите с другой стороны: способность реализовать даже собственные научные изобретения у нас одна из последних в мире. Качество управления у нас — одно из самых низких. Степень коррумпированности, о которой говорит Президент, — одна из высочайших в мире. Степень инновационности, на которую мы можем сегодня рассчитывать, при всех достижениях нашей восточнохристиан-

ской цивилизационности, — одна из самых низких. Ваш доклад называется «Восточнохристианская цивилизация перед лицом новейшего мирового порядка». Одним словом, можно ли напрямую, с уровня анализа жизнеспособности нашей цивилизации и России как института и выразителя этого восточнохристианского смысла, сразу же перейти к вызовам? Или нужно все-таки анализировать и искать медиативные структуры и посредников, с помощью которых и можно эти питательные соки нашей восточнохристианской цивилизации «перелить» в реальные действия? Тут у нас какой-то мощный разрыв образуется, больше противоречий и проблем, нежели «плотных материй», как Вы сказали. Вот «плотные материи» — вроде политики, демократии, экономики и т. д. — и прочие реальности как-то плохо согласуются с тем, что Вы только что проанализировали в своем выступлении.

Ответ:

Это самый сложный вопрос из всех, которые можно было задать: т. е. как все наши прекраснодушные теоретические размышления о цивилизациях превратить в технологию?

Для реализации большого цивилизационного проекта — впрочем, как и для реализации небольшого социального либо политического проекта — необходимо два таланта, два дара, которые часто бродят поодиночке, но вместе встречаются крайне редко. Речь о таланте жить в мире абсолютных идей, идеальных конструкций, универсальных ценностей и о таланте жить в мире действия, энергии, воли. Первое присуще касте жрецов (брахманов), второе — касте воинов и администраторов (кшатриев).

Для эффективной реализации проектов актуально соединение жреческих и воинских качеств — Рене Генон называл это «Царем Мира» и описывал на примере «царя и жреца одновременно» Мельхиседека. Если говорим о каком-то конкретном инновационном социальном проекте,

который должен изменить реальность, то в нем непременно должны быть люди и с брахманическими, и с кшатрийскими признаками.

Лично я знаю множество очень умных и концептуально мыслящих людей — они очень хорошо мыслят, но ничего не могут реализовать. Их умствования остаются «игрой в бисер». С другой стороны, немало людей конкретных, эффективных, деятельных, энергичных (взять хотя бы нынешнюю российскую властную верхушку), но вся их энергия направлена на решение каких-то конкретных, частных вопросов — на системном уровне они, увы, бессильны. Поэтому для успеха непременно нужен хотя бы один харизмат, объединяющий в себе обе природы, оба качества.

Развитая цивилизационная идентичность предполагает наличие разработанных концептуальных ответов на многие вызовы современного глобального мира. Например, в области экономической теории, в области философии права — скажем, каким может быть социально-правовое государство и гражданское общество в российских, украинских или сербских условиях? Таким же, как в США, Германии, Англии или должны быть концептуальные различия? Или, скажем, в чем социальные корни коррупции и как с ней бороться, не имея мощного субъекта такой борьбы?

Давайте вспомним: когда евразийцы после революции оказались в Праге, Софии, Белграде и Берлине, когда Иван Ильин жил в Германии и Швейцарии, они там принялись моделировать новую Россию. Но при этом у каждого была своя сфера профессиональной ответственности: геополитика, история, лингвистика, философия, богословие. Нам для создания такого синтетического проекта тоже необходима консолидация разнопрофильных профессионалов.

Нередко цивилизационный дискурс сводится примерно к такой формуле: да, общественное устройство у нас несовершенно, в технологиях мы отстали, зато какая у нас душа загадочная, какая литература, какой балет! Многие на Западе

именно так и воспринимают Россию, Украину и другие православные страны — мол, какие вы забавные!

Я думаю, что подобный мазохизм не просто контрпродуктивен — он фиксирует отношения западнохристианской и восточнохристианской цивилизаций как метрополии и периферии, как богатых и бедных родственников. Лично я против подобного мазохизма.

То есть, я подчеркиваю: речь идет вовсе не о конструировании какой-то собственной «самобытности», «особости», квазиуникальности, а о поиске новых возможностей, новых ответов на вызовы. Хотя, разумеется, и правовое государство, и гражданское общество в наших условиях и, скажем, в Германии — это несколько разные вещи.

Если говорить о социальных и экономических вызовах, то тут главная проблема, которая решается на уровне цивилизационной идентичности, — это активизация возможностей православной социальной этики. Проект «Модерн» реализовался в общем-то на базе протестантской, отчасти ветхозаветной этики. В его рамках даже католики оказались в общем-то аутсайдерами.

Необходимо думать о том, как сформулировать внятный ответ на этот вызов. Вот ваш исследовательский центр издал пятитомную экономическую стратегию под лозунгом «К умной и нравственной экономике». Это, на первый взгляд, утопический лозунг, но он очень характерен для восточнохристианского сознания и мышления. Он является серьезным вызовом со стороны Запада. Запад говорит: «У нас есть социальная этика, на основе которой можно стать богатым, успешным и хорошо работать». А мы говорим: «У нас такой этики нет, но есть представление о том, что экономика должна быть нравственной». Тезис красивый и нравственный, но теперь надо сделать его еще и эффективным. Эффективным не обязательно в смысле извлечения максимальной прибыли, но в смысле максимального развития общества.

Конкурентоспособность — это то, что позволяет выживать. Вот Византийская империя в течение тысячелетия была суперконкурентоспособной по сравнению с Западом и арабским миром, но ее время прошло. Теперь мы смотрим, прошло ли время глобального Запада? И есть ли окно возможностей для нас?

Вопрос (А.И. Соловьев):

Если Вы не связываете национальную идентичность с какими-то пространственными ограничениями — такой трансграничный процесс, — то, может быть, стоит посмотреть, например, на те же США, где нет никаких цивилизационных идентичностей, но экономическая и социальная реальности совсем другие. Может быть, мы, педалируя цивилизационную идентичность, обрекаем себя на маргинальность?

И второй вопрос — методологический. Можете ли Вы определить критерии упадка, распада цивилизации и критерии развития?

Реплика (А.И. Неклесса):

Русский разговор...

Ответ:

По поводу первого. Думаю, что цивилизационная проблематика трансгранична — особенно в условиях глобализации. Но, разумеется, ядра цивилизаций и их границы существуют. США в современном виде — со всеми вызовами с «глобального Юга» и юга конкретно-мексиканского, с черным президентом, с самой большой католической общиной (среди всех христианских общин), с уменьшающейся популяцией WASP, все равно очень четко воспроизводят свою цивилизационную матрицу, заложенную отцами-основателями этой страны в XVIII в. США — это апофеоз западнохристианской цивилизации.

Более того, изначально США появились на голом месте, вернее, на предварительно зачищенном от индейцев месте.

В Западной Европе с ее монархическими домами и католической церковью реализовывать идеи эпохи Просвещения было достаточно сложно — в силу инерции и тысячелетней культурной традиции. В Америке же возвращать Модерн можно было фактически с нуля. В этом смысле США — квинт-эссенция Запада.

Несмотря на количество эмигрантов со всех сторон и несмотря на то, что теперь американцы отказались от идеи «плавильного котла» и говорят о мультикультурализме, «сакральная вертикаль» американской общности вполне конкретна — вокруг этой системы ценностей люди разных рас, культур и религий ощущают себя американцами. Вспомним российскую или украинскую эмиграции в США и Канаде (за исключением последней, постсоветской волны): они могут еще помнить языки и культуры, быть православными, любить кухню, тосковать по виденной только по телевизору исторической родине, но в остальных измерениях — это настоящие американцы. Скажем, жена нынешнего президента Украины Катерина Ющенко, которая родилась в семье восточноукраинских эмигрантов послевоенной волны.

По поводу критериев упадка или развития цивилизаций — это достаточно известная тема: цивилизации рождаются, достигают могущества, стареют, умирают, иногда перерождаются заново. Вот только «вечная» китайская цивилизация — загадка для историков.

В этом вопросе я солидарен с Питиримом Сорокиным, который раскритиковал идею о предопределенности жизненного цикла цивилизации. Сорокин, который был другом и односельчанином Николая Кондратьева, рассчитавшего кризисные циклы в экономике, сам отверг идею о возможности вычислить сроки жизни и смерти цивилизации и идею о том, что каждая цивилизация «талантлива» только в какой-то одной сфере. Цивилизация — это не культура, она больше: это макрообщественная целостность, выстроенная вокруг определенного пространственного и смыслового ядра.

Наша цивилизация, как кажется, имеет серьезную потенцию развития. Но пока это не столбовая дорога, а тропинка в болоте: неверный шаг — и засосет.

Главный признак устойчивости цивилизации — возможность давать ответы на глобальные вызовы времени и генерировать новые смыслы развития человечества. Креативность, инновационность, субъектность, развитие «человеческого капитала» — вот критерии витальности, жизнеспособности цивилизации. Скажем, исламская цивилизация: дает ли она какие-то ответы на глобальные вызовы? Глобальное переселение, превращение Европы в Евроарабику — это вполне внятный ответ на вызов. В своих новых странах проживания переселенцы пробиваются в высшие страты — это тоже ответ на вызов. И два миллиона азербайджанцев в Москве — это тоже ответ на вызов. Сейчас большинство из них торгует на овощных рынках, но лет через 30 они будут определять будущее государства Российского.

Реплика (А.И. Неклесса):

Я тут обмолвился было по поводу безбрежного «русского разговора»... Андрей Николаевич любезно отвечал на вопросы, касающиеся судеб различных стран и народов. Хотелось, однако же, обратиться непосредственно к теме семинара — рассмотрению цивилизационных активов и цивилизационных рамок российской государственности. Вопрос же мой будет состоять из двух частей.

Во-первых, отмеченная докладчиком специфика может быть интерпретирована как своего рода социальная интровертность — по крайней мере, так я это услышал. Но, коль скоро, в заглавии доклада прозвучала тема вызова миропорядку, некоторой цивилизационной альтернативы будущему, насколько данная черта соотносится с активной социальной позицией в ситуации формирования глобального сообщества?

Во-вторых, я услышал, что Запад не имеет своего антропологического проекта. Мне данное утверждение пока-

залось несколько странным, но, может быть, есть какая-то особая позиция у докладчика по этому вопросу? Со своей стороны, я бы просто перечислил несколько имен: Августин и Пелагий — это сразу две антропологических позиции. Потом, конечно же, отметил позицию Лютера и Кальвина. Они выражают как раз ту антропологическую позицию, которая максимально социализировала Запад, превратив его социальность в динамическую категорию. Следующее развитие сюжета — Паскаль и Руссо. Наконец, дискуссии XX в., в том числе связанные с декадансом в его начале и «теологией после Освенцима» в середине, когда наступает разочарование в прежней системе ценностей и, главное, оценке возможностей человека, в возможностях его разума, разочарование, в сущности, в самих основах просвещенческой парадигмы. Здесь я вижу именно продвижение как социальной, так и антропологической перспективы.

А.Н. Окара:

Сначала по поводу последнего вопроса — возможно, я неправильно был понят. Я вовсе не говорю об отсутствии на Западе мощного антропологического проекта. Наоборот, именно западный антропологический проект самый мощный — он навязан всему миру в качестве нормативного. Современный «человек экономический», «человек политический», «человек-потребитель» — это финальная стадия развития именно западного антропопроекта.

Я говорил немного о другом: об отсутствии в мейнстримном западном антропологическом проекте представлений о трансцендентности человека, представлений о том, что человек должен быть чем-то **большим**, чем просто «человек политический», «человек экономический» и человек, который только платит налоги вовремя. Экзистенциально озабоченный человек западноевропейской культуры — Гамлет, Дон Кихот, Фауст — это как раз бунт против западного мейнстримного «имманентного» человека.

Возможно, именно Августин, Фома Аквинский, средневековые «номиналисты», а уже потом — Гоббсы, Локи, Смиты и породили этого человека — сформировали минималистскую антропологию «Модернити».

Эпоха Просвещения, а также масонская культура, попытались выдвинуть новый проект — гармоничного, просвещенного, цивилизованного человека (кстати, и само понятие «цивилизация» родом из XVIII). Но именно упомянутый Вами Освенцим — это, в некотором смысле, апофеоз Модерна.

У меня субъективное ощущение, что последние несколько лет мы находимся в бурлящем котле, где идет поиск нового мира и, прежде всего, — нового человека, новых смыслов существования, нового целеполагания для человека как такового. Проект «Модерн» в этом отношении может дать ответы на некоторые частные вопросы — например, в последние годы стала популярной теория «человеческого капитала». Хотя это уже скорее постмодерновая теория. Но вот глобального и универсального ответа на новые вызовы и наши вопрошания проект «Модерн» нам дать уже не в силах. Почти как в анекдоте: «Доктор, я буду жить?» — «А смысл?»

Теперь по поводу интровертности цивилизаций. Не думаю, что восточнохристианскую цивилизацию, которая может считаться внучкой по отношению к мировой Римской империи, можно определить как интровертную. Мне-то как раз кажется, что и Византийская империя, и Древняя Русь, и Российская империя, и СССР, и современные страны православной традиции — вполне динамичны и достаточно экстравертны...

Реплика (А.И. Неклеса):

Я имею в виду те «цивилизационные ресурсы», которые Вы обозначили в своем выступлении.

А.Н. Окара:

Думаю, «максималистская» антропология, общий настрой на преобразование бытия — это вовсе не свидетельство инт-

ровертности или локальности и замкнутости цивилизации. Думаю, все эти возможности могут стать реальным ресурсом и залогом нашей будущей универсальности и инновационности, но для этого необходимы сверхусилия.

Вот недавно скончался Муслим Магомаев... Я задумался о его жизненном пути. Человек родился в Баку — он мог бы стать исключительно азербайджанским певцом; но его судьба так сложилась, так сложились культурный «вызов» эпохи и «ответ» Магомаева, что он сначала затмил славу Рашида Бейбутова, потом стал певцом общесоюзного, а еще позже — и мирового уровня (насколько это было возможно при советской власти). Когда человек настолько талантлив, настолько уникален и замечателен, его талант может быть востребован и в Баку, и в Москве, и в Париже.

Примерно так же и с нашей темой: если наша цивилизация будет искать и находить оригинальные и актуальные ответы на глобальные вызовы современности — а история показывает, что такое уже случалось, — если мы будем цивилизацией с развитым аппаратом «Soft Power», если найдем то, что все во всем мире ищут, но не могут найти, мы можем стать генератором развития, цивилизацией-лидером — хотя бы по некоторым позициям.

К примеру, та же русская классическая литература стала достоянием всего человечества — но именно потому, что в ней ищутся и находятся ответы на те вопросы, на которые не смог ответить проект «Модерн».

Но, разумеется, я далек от интеллигентских литературоцентричных утопий: литература и искусство — это лишь один язык из нескольких, на которых еще только предстоит написать историю будущего.

